
ЧАРЛИ
Ви
БЫВШИЕ
Папина копия
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Чарли Ви
Бывшие. Папина копия

https://litres.ru/74788604
SelfPub; 2026

Аннотация

Я всегда думал — нет ничего страшнее войны.

Ошибался.

Страшнее вынести женщину из огня и узнать в ней ту, которую любил больше жизни.

Увидеть рядом ребёнка от другого — будто нож в сердце.

Я готов был ненавидеть, но почему-то возвращаюсь.

И с каждым разом всё явственнее чувствую — за её молчаливой болью скрывается что-то важное.

Что-то, что заставляет усомниться во всём, во что я верил все эти годы

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Чарли Ви
Бывшие. Папина копия

Глава 1

Оглушительный вой сирены впивается в уши, разрывая дремотную тишину дежурки. Я вздрагиваю, и еще до того, как мозг полностью просыпается, тело уже само несет меня к машине – старый, выдрессированный рефлекс.

На табло мигает адрес: ул. Садовая, 42. Частный сектор.

– Выезжаем! Пожар! – голос начальника караула, Петровича, хриплый от тридцати лет дыма и команды, не терпит возражений.

Мы – единый организм. Шилов, мой напарник, уже за рулем. Я вскакиваю в кабину «Урала», на ходу всовывая руки в еще теплые рукава боевки.

Движения выверены, доведены до автоматизма. Ремни, маска на коленях, быстрый кивок Шилову – «поехали».

Машина срывается с места, и сирена включается на полную, разгоняя редкие машины на пустынных улицах спящего города.

Вот оно. То самое чувство. Когда мы мчимся на вызов, мир за окном превращается в размытое пятно, а все пробле-

мы – долги, неудачный бизнес по установке противопожарных систем, гнетущее одиночество в пустой квартире – все это остается там, далеко позади. Здесь и сейчас есть только я, команда и работа. Четкая, ясная. Спасти. Не дать сгореть.

В этом есть страшная, первобытная простота, которой так не хватает в обычной жизни.

– Горит знатно, видишь? – Шилов кивает головой вперед, не отрывая глаз от дороги.

Я присматриваюсь. Над линией одноэтажных домов впереди висит багровое зарево, зловещее и пульсирующее. Клубы черного, маслянистого дыма ползут по небу, словно ядовитый туман.

– Деревяшка, – сквозь зубы цедит Шилов, резко притормаживая, чтобы вписаться в поворот. – Скоро рухнет.

Мы подъезжаем. Картина, как из учебника, только в сто раз страшнее. Полыхает добротный деревянный дом. Огонь уже вовсю хозяйничает внутри, выбиваясь из оконных проемов, лижет обшивку и жадно взбирается на крышу.

Жар ощущается даже сквозь стекло кабины. Воздух искажается от тепловой волны.

Раздаётся крик. Неистовый, исступленный визг пожилой женщины, которую едва удерживают соседи.

– Там моя дочка и внучка! Алёночка моя там! Девочке пять лет всего! Господи, спасите!

Слова впиваются в мозг острыми зазубренными крючка-

ми. «Алёночка». «Дочка». «Пять лет».

Приказ Петровича звучит четко:

– Волков, Шилов – разведка и эвакуация! Остальные – на подачу воды! Быстро!

Мы спрыгиваем с подножек, на ходу проверяя маски. Воздух у входа в ад густой, обжигающий горло даже сквозь фильтры. Дверь распахнута – кто-то пытался помочь, но не сумел зайти. Я делаю первый шаг внутрь.

И попадаю в преисподнюю.

Треск пожираемого огнем дерева сливается с воем датчиков температуры, предупреждающих о запредельном жаре. Дым – густой, едкий, черный – съедает свет фонарей, видимость почти нулевая. Мы движемся на ощупь, пригнувшись, спина к спине.

– МЧС! Отзовитесь! – мой голос, искаженный аппаратом, грохочет в огненном аду.

В ответ – только гулкий, ненасытный рев пламени. И вдруг… сквозь этот рёв пробивается едва слышный, детский плач.

Сердце сжимается. Я рвусь на звук, отталкивая обгоревшую тумбочку, пробиваясь через горящие обломки мебели. Шилов следует за мной, прикрывая тыл.

В дальней комнате, которая еще не полностью охвачена огнем, но уже заполнена удушающим дымом, я вижу ее.

Забившийся в угол, под кровать, маленький комочек в розовой пижамке с котиками. Глаза, огромные от ужаса, смот-

рят на меня, на мою неуклюжую, задымленную фигуру, как на пришельца из кошмара.

– Не бойся, зайка, я свой, – пытаюсь я смягчить голос, но сквозь противогаз он получается грубым и металлическим. – Сейчас я тебя отсюда заберу.

Я накрываю ее своим шлемом, защищая от сыплющихся с потолка искр, и подхватываю на руки. Она легкая, как пушинка. Крошечные пальцы впиваются в боевку мертвой хваткой, она вся дрожит, прижимаясь ко мне. Моя ладонь касается ее маленькой, хрупкой спины, чувствую учащенное, птичье сердцебиение.

Я выношу ее на улицу, на свежий, холодный воздух. Передаю на руки бегущим навстречу медикам.

– Мама… там… мама… – шепчет она, на чумазом личике белые дорожки от слёз .

И тут же крик старухи:

– Вероника еще там! В спальне, в конце коридора!

Я оборачиваюсь к дому. Крыша над входом пылает, слышен зловещий скрежет – конструкции вот-вот рухнут.

– Артём, все, кончай! – орет Шилов, хватая меня за плечо. – Сейчас все рухнет! Не пройдёшь!

Я смотрю на его перекошенное беспокойством лицо, потом на бледное личико девочки на носилках. Ее мать там. Одна.

Я резко дергаю плечом, сбрасывая его хватку.

– Прикрой меня! – и уже не слушая ответа, рвусь обратно в пекло.

Путь в спальню отрезан сплошной стеной огня. Приходится пробиваться через соседнюю комнату. Визг бензопилы, вгрызающейся в дверной косяк, удары лома. Время спрессовано в одну сплошную, огненную секунду. Наконец, пролом. Я влетаю внутрь.

Она лежит на полу у окна, без движения. Видимо, пыталась выбраться и потеряла сознание от дыма. Пол рядом с ней уже тлеет. Я падаю рядом на колени, переворачиваю ее на спину. Лицо прикрыто рукой. Быстро накидываю на нее маску своего запасного аппарата, подхватываю ее безвольное тело на руки, встаю, и пробиваюсь к выходу, который почти не виден в сплошной пелене дыма.

Ноги подкашиваются, спина горит огнем, в глазах темнеет от нехватки кислорода. Каждый вздох дается с трудом, воздух в баллоне на исходе. Я спотыкаюсь о падающую балку, падаю, прикрывая ее собой, и снова поднимаюсь, упрямо пру вперед.

В голове стучит одна мысль: «Вынести. Должен вынести».

И вот – спасительный поток холодного воздуха в лицо.

Слепящий свет солнца.

Я падаю на колени на мокрую от брандспойтов траву, бережно укладываю девушку на носилки. Сам дышу, часто, с хрипом, надышаться не могу, горло сводит судорогой, все тело болит.

Ко мне подбегает медик, склоняется над пострадавшей, поправляет маску, чтобы лучше зафиксировать. На мгновение приоткрывая её лицо…

Мир замирает.

Гул пожара, крики команды, шипение воды на раскаленные угли – все это проваливается в абсолютную, оглушительную тишину.

Я не могу дышать. Не могу отвести взгляд.

Это же моя Ника.

Нет, уже не моя. – поправляю тут же себя. – Когда-то была моей.

Пепел на ее щеках. Следы слез, проложенные сквозь грязь. Запекшиеся губы. Но черты… Эти черты… Я знал их. Я помнил каждую линию, каждую веснушку. Я помнил, как смеялись эти глаза, как хмурились эти брови.

Вероника.

Та, которую я вычеркнул из сердца пять лет назад. Та, чье предательство, как мне казалось, выжгло во мне всё дотла.

Я замираю, не в силах пошевелиться, парализованный этим открытием. Смотрю, как медики пытаются вернуть к жизни моё прошлое и мою боль.

А потом мой взгляд, против воли, медленно-медленно скользит в сторону. К маленькой фигурке, закутанной в алюминиевое одеяло. К девочке. К Алёнке.

Она смотрит прямо на меня. Большие, полные слез глаза. Испуганные. Ее глаза. Такая же форма, тот же разрез.

Пять лет…

Что-то огромное и необратимое с грохотом рушится внутри меня.

Рушится вся моя реальность, вся правда, которой я жил все эти годы.

Обида. Злость. Ненависть.

Все это рассыпается в пепел, обнажая чудовищную, невозможную правду – у Ники ребёнок от другого.

Глава 2

Ноги подкосились, но я упёрся ладонью в мокрую землю и с силой оттолкнулся. Звон в ушах заглушал всё вокруг, но сквозь него пробивался чей-то голос.

– Эй, ты как? У тебя голова в крови!

Ко мне склонился молодой медик в заляпанной куртке. Я машинально провёл рукой по лицу. Она стала мокрой и красной. Да, видимо, та самая балка всё-таки задела.

– Ничего, – мой голос прозвучал хрипло и глухо, будто из-под земли. – Со мной всё нормально.

Я отстранил его и, шатаясь, пошёл к носилкам. Стоял рядом и смотрел, как они борются за неё. Как накладывают маску, фиксируют голову, вводят что-то в вену. Её лицо было бледным и безжизненным, и от этого сжималось что-то внутри, холодное и тяжёлое. В горле встал комок. Рука сама потянулась – остановить, оттолкнуть их, дать ей вздохнуть… Но я лишь сжал кулаки.

Предала. Родила от другого. Но видеть её такой…

Носилки резко поехали к «скорой». Дверцы распахнулись, её вкатили внутрь. Туда же, бережно, передали и девочку. Алёнку.

Я сделал шаг вперёд, потом ещё один, движимый каким-то неосознанным порывом.

– Вы кто им? – резко спросил санитар, преграждая путь.

Я замер. Кто я? Бывший любовник? Обиженный дурак? Чужой человек.

– Никто, – выдавил я.

– Так, и ты тоже сюда давай, – вдруг вмешалась медсестра, указывая на меня. – У тебя всё лицо в крови, и сотрясение не исключено. Забирайся!

Меня почти втолкнули в салон. Я грузно рухнул на жёсткое сиденье. Прямо напротив, другая медсестра держала на коленях тот самый маленький комочек в розовой пижамке. Алёнку.

Машина тронулась, завывая сиреной. Девочка тихо плакала, всхлипывая и зажимая ручонками рот. Её глаза, огромные и испуганные, блуждали по салону и на секунду зацепились за меня. Те самые глаза. Её глаза.

Я не выдержал.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Алёна, – прошептала она всхлипывая.

Сердце упало куда-то в ботинки.

– Это… твоя мама? – снова спросил я, уже зная ответ, но отчаянно нуждаясь в его подтверждении. Или опровержении.

Девочка кивнула, и её лицо снова исказилось от готовых хлынуть слёз.

– Да… это мама…

– Эй, ты там вообще! – резко обернулась ко мне медсестра, прижимая к себе ребёнка. – Не видишь, девочка в шоке,

плачет! Хватит вопросы задавать, не до тебя!

Она отвернулась, начала что-то шептать девочке на ухо, укачивать её. Вокруг Алёны засуетились, проверяя пульс, дыхание.

А я просто сидел и смотрел на неё. На эту маленькую девочку с синими глазами. И чувствовал, как по мне ползёт ледяная, всё сковывающая пустота. Пустота, в которой не осталось ни ненависти, ни обиды. Одно сплошное, оглушительное «почему?».

В приёмном отделении царил привычный для хаос – приглушённые голоса, скрип колёс каталок, запах антисептика, перебивающий едкий дым, въевшийся в мою одежду.

Алёну сразу же увели по коридору. Я видел, как она обернулась, её испуганный взгляд скользнул по мне, прежде чем дверь закрылась.

Веронику внесли на носилках, и она скрылась за дверями реанимации. Меня же, самого целого из всей этой троицы, усадили на табуретку у поста медсестёр. Ко мне подошёл уставший врач-интер.

– Давайте посмотрим, что у вас с головой, богатырь, – его пальцы уверенно раздвинули волосы, коснулись раны. Я вздрогнул, но не от боли – от прикосновения к реальности. – Так… рассечение. Будем чистить и зашивать. Сотрясение, ясное дело. И дыхание хриплое вы этим дымом надышались знатно.

Процедура заняла время. Обезболивающий укол, холод-

ный спирт, неприятное ощущение иглы, стягивающей кожу на лбу. Я покорно сидел, не дергаясь, и не издавая ни звука, глядя в белую стену перед собой и ничего не видя. Это царапина по сравнению с тем, что было, когда я служил.

В ушах стоял не вой сирены, а тихий, надрывный шёпот: «Это мама…»

Врач что-то говорил мне о покое, наблюдении, возможных головокружениях. Я кивал, автоматически засовывая в карман боёвки листок с рекомендациями. Мне сделали укол, выдали таблетки. Наконец, отпустили.

Я вышел из больницы. Вечер был пронзительно-холодным после адского жара. Воздух обжигал лёгкие. Я несколько минут просто стоял, уставившись перед собой на клумбу с шафранами.

«Езжай домой. Выспись. Завтра разберёшься», – голос разума звучал в голове устало и логично. Это было правильно. Разумно.

Надо вызвать такси. Позвонить начальнику оповестить что всё хорошо.

Но ноги не шли. Как будто меня что-то держало здесь.

Я не мог уехать. Не мог оставить это здесь. Вопросы, острые, как осколки, впивались в мозг, не давая дышать. Кто он? Где он? Почему она молчала? Знает ли что случилось? Приехал ли к ней сейчас? И этот ребёнок… этот ребёнок с её глазами…

Внутренний голос твердил, что я идиот, что лезу туда, ку-

да меня не звали, что снова нарываюсь на боль. Но нытьё в груди, тупая, ноющая боль в сердце была сильнее, чем под свежей повязкой на лбу.

Сердце, чёрт возьми, не хотело слушать доводов разума. Оно понимало только одно – я должен знать. Должен убедиться, что с ними всё… что они…

Я закурил. Рука дрожала. Я снова был там, в том горящем доме, чувствовал её лёгкий вес на своих руках, видел её бледное лицо.

И понимал, что пока я не узнаю, что с ними, я никуда не уеду. Даже если мне придётся просидеть здесь до утра. Даже если это глупо. Даже если это больно.

Просто потому, что иначе я не успокоюсь.

Глава 3

Сигарета давно прогорела, оставив на пальцах едкий запах. Я швырнул окурок в урну и, не дав себе времени передумать, решительно направился к входу в приёмное отделение. Теперь, когда решение было принято, ноги несли меня твёрдо, несмотря на лёгкое головокружение.

За стойкой дежурной медсестры, заваленной бумагами, сидела женщина в возрасте, с усталым, но внимательным взглядом. Она подняла на меня глаза, оценивающе скользнув по моей закопчённой форме и свежей повязке на лбу.

– Вам чего, товарищ? – спросила она, не отрываясь от заполнения какого-то журнала.

– Я… я хочу узнать про женщину и девочку, которых только что привезли с пожара на Садовой, – голос мой звучал хрипло и неуверенно.

– Фамилия? – медсестра уже повернулась к компьютеру, готовая набрать запрос.

И тут меня будто окатило ледяной водой. Фамилия. Я замер. Я знал только одну её фамилию. Девичью. Назарова. Вероника Назарова. А ведь она наверняка вышла замуж. Носит фамилию того… того человека. Отца ребёнка. Сердце сжалось от едкой, жгучей боли.

– Назарова, – выдавил я, почти не надеясь на успех. – Ве-

роника Назарова.

Медсестра что-то пробормотала себе под нос, застучала по клавишам. Прошла вечность. Она хмурилась, листая электронную картотеку.

– Она в реанимации. Состояние тяжёлое, отравление продуктами горения, ожоги дыхательных путей. Несколько дней точно будет там, пока не стабилизируется.

Сердце гулко стукнуло в груди от волнения. Реанимация. Так, успокоился, взял себя в руки. Главное жива и дышит. Восстановится.

– А… а девочка? – тихо спросил я. – Её дочка, Алёна? Как она?

Медсестра посмотрела на меня пристально, её взгляд стал изучающим.

– А вы кто будете? Родственник?

Голос разума кричал: «Скажи «нет» и уйди!»

– Я… отец, – ответил я и сам ошарашено замер, услышав свой голос.

Лицо медсестры смягчилось, в нём появилось сочувствие.

– Так вы за дочкой приехали? – спросила она уже гораздо мягче.

Я, всё ещё в шоке от собственной наглой лжи, просто кивнул.

– Документы при вас? Свидетельство о рождении? Без документов мы ребёнка не отдадим, сами понимаете.

Документы. Бля, документы же. Точно. Мозг лихорадоч-

но соображал, но, видимо, удар балкой по голове не прошёл бесследно.

– Какие документы? – возмутился я. – Мы с пожара! Всё сгорело! У неё ничего нет! Я просто хочу знать, что с ней. Хотя бы пустите меня к ней, ей ведь страшно одной, она же маленькая!

Я говорил с жаром и видел, как строгое выражение лица медсестры тает. Она вздохнула, оглянулась по сторонам и махнула мне рукой.

– Ладно, идите за мной. Только тихо и ненадолго. И никому ни слова!

Она провела меня по длинному коридору, свернула в боковое крыло и открыла дверь в небольшую палату. В комнате стояли четыре кровати. На одной, под клетчатым одеялом, лежала Алёнка. Она не спала, а сидела, поджав коленки, и смотрела в стену широкими, испуганными глазами.

Увидев меня, она замерла на секунду. А потом она сорвалась с кровати и, подбежав, буквально вцепилась в мою ногу. Я поднял её на руки, она обвила мою шею тонкими ручками и прижавшись ко мне всем своим маленьким, дрожащим тельцем.

Я застыл, ошеломлённый. Мои руки, казалось, сами собой обняли её, прижали к себе. Я почувствовал, как она вся напряжена, как бьётся её крошечное сердце. Я наклонился к ней и прошептал, сам не понимая, откуда берутся эти слова:

– Алёнушка, всё хорошо. Я здесь.

Моя рука сама гладила её по волосам, как будто я знал как надо успокаивать детей. На самом деле я всегда держался от них подальше. Не знал, не умел и не практиковал. Истерики, психи, манипуляции слезами, вот что я видел у детей своих знакомых. Алёна была не такая. Не знаю, откуда я это взял. Как будто чувствовал, что эта девочка другая. У Вероники точно не может быть вредной дочери.

Алёна всхлипнула и прижалась ещё сильнее, словно искала во мне защиту от всего мира. И я, абсолютно сбитый с толку, стоял и не мог понять, почему этот чужой ребёнок, дитё неизвестного мужчины, так безоговорочно доверился мне, словно чувствуя что-то, чего не чувствовал и не понимал я сам.

Инстинктивно, почти не думая, я развернулся и вышел с ней в коридор, прижимая к себе этот маленький, тёплый комочек.

В полумраке тихого больничного коридора я сел на старый диванчик, приткнутый у стены. Усадил Алёну к себе на колени. Она не отпускала мою шею, а я не отпускал её, продолжая автоматически гладить её по спине, чувствуя, как напряжение понемногу покидает её хрупкое тельце.

Из-за угла выглянула медсестра, которая привела меня. Увидев нас, она умилённо улыбнулась, сделала одобрительный жест рукой и скрылась, оставив нас наедине.

Тишину нарушало только мерное гудение какого-то прибора и гул ламп. Алёна, наконец, ослабила хватку, отодвинулась совсем чуть-чуть, чтобы посмотреть на меня. Её большие, всё ещё влажные от слёз глаза, казалось, впитывали каждую черту моего лица, освещённого тусклым светом люминесцентных ламп.

В них читался не просто испуг, а какая-то глубокая, недетская надежда.

– Папа… ты пришёл? Забрать меня? – произнесла она почти шёпотом.

Меня будто ударили током. Вся кровь отхлынула от лица, а потом снова прилила, заставив гореть щёки. Я не мог пошевелиться, не мог вымолвить ни звука.

В голове пронёсся вихрь мыслей, каждая безумнее предыдущей.

Она ошиблась? Она в шоке? Она не понимает, что говорит? У неё сотрясение? Она называет так любого?

Глава 4

Её слова повисли в воздухе, а потом она снова прижалась ко мне, зарывшись лицом в мою шею. Её шёпот был таким тихим, что я почувствовал его скорее кожей, чем услышал ушами:

– Ты только никому не говори, что я тебя так назвала... а то мама меня ругать будет.

Моё сердце сжалось в комок. Оно билось где-то в горле, тяжёлое и гулкое. Но прежде чем я успел что-то понять или почувствовать, она отстранилась, и в её глазах, огромных и синих, как омут, вспыхнул новый, взрослый и страшный страх.

– А мама?.. – голос её дрогнул. – Где мама? Она… она умерла?

Её подбородок задрожал, но она стиснула маленькие кулачки и смотрела на меня, не моргая, изо всех сил пытаясь удержать слёзы. В этой детской, отчаянной попытке быть сильной было что-то такое щемящее и беззащитное, что у меня в груди заныло.

– Нет! – вырвалось у меня слишком резко и громко для больничного коридора. Я понизил голос, наклонившись к ней. – Нет, Алёна, нет. Мама не умерла. С ней всё хорошо. Просто она во взрослом отделении. Там, где лежат только

взрослые. Ей нужно немного полечиться, а детям туда нельзя. Вот и всё.

Она смотрела на меня с недоверием, и в её взгляде читалась такая глубокая, не по-детски горькая мудрость, что мне стало не по себе.

– Ты врёшь, – тихо сказала она. – Взрослые всегда врут.

У меня сжались кулаки. Передо мной сидел не просто испуганный ребёнок. Сидел маленький, травмированный человек, который уже столкнулся с потерей и предательством мира взрослых и теперь ждал от него только худшего.

Я взял её за плечи, совсем чуть-чуть, чтобы она посмотрела на меня, и сделал своё лицо максимально серьёзным и твёрдым. Таким, каким оно бывало на службе, когда нужно было взять себя в руки и действовать.

– Слушай меня, Алёна, и запомни раз и навсегда, – сказал я, глядя прямо в её глаза. – Может, взрослые и врут. Но я – нет. Я никогда не вру. И если я сказал, что с твоей мамой всё хорошо, что она жива и просто лечится, – значит, так оно и есть. Поняла?

Она замерла, изучая моё лицо с недетской проницательностью, словно ища в нём малейшую фальшь. Искала и, кажется, не находила. Её собственное личико понемногу расслаблялось, напряжение уступало место усталости и, возможно, крошечной искорке доверия.

Она кивнула, совсем чуть-чуть.

– Поняла, – прошептала она и снова прильнула ко мне, на

этот раз просто ища утешения, а не защиты от смерти. – А ты… ты останешься?

Её вопрос повис в воздухе, и на него у меня не было простого ответа. Остаться я точно не мог, так же как и забрать. Надо было ответить, хоть что-нибудь.

– Сейчас – нет, – сказал я честно. – Сейчас мне придётся уйти, но завтра я вернусь.

Она грустно вздохнула, опустила голову, принимая мои слова.

Я сидел, покачивая её на руках, чувствуя, как её дыхание становится всё глубже и ровнее. Её маленькая ручка разжала хватку на моей куртке и безвольно упала.

Стресс, испуг, слёзы – всё это, наконец, отпустило её, и она погрузилась в исцеляющий сон. Её щека прижалась к моей груди, и в этот момент что-то в моей собственной душе болезненно сжалось. Когда-то я мечтал о вот такой дочке. Думал, вернусь после контракта, вернусь домой, Ника дождётся меня, а вышло, так что она не дождалась.

Мне моя мать рассказала, что Ника родила. А сама Ника ни строчки не написала и ни разу не позвонила.

Думал, ли я, что это предательство? Конечно.

Поэтому и пошёл добровольцем, когда началась мобилизация.

Я сидел, смотрел на милое личико девочки, которую ненавидел все пять лет её существования. А теперь даже боялся пошевелиться, чтобы не нарушить этот хрупкую идиллию. и

не мог насмотреться на знакомые черты.

Из-за угла бесшумно выплыла медсестра. Она посмотрела на спящую Алёну, потом на меня, и её строгое лицо смягчилось.

– Ну всё, папа, – сказала она тихо, подходя ближе. – Хватит на сегодня. Ребёнку нужен покой, а вам – лечение. Идите домой, отоспитесь.

Мне так не хотелось отпускать Алёну. Оставлять эту маленькую, беззащитную девочку одну в этой холодной, чужой больнице. Казалось, если я её отпущу, связь порвётся и всё это окажется сном.

– Можно ещё немного? – тихо попросил я, и в моём голосе прозвучала несвойственная мне слабость.

– Нельзя, – её шёпот был твёрдым и неумолимым. – Правила есть правила. Вы и так тут дольше, чем полагается. Завтра придёте. С утра, с документами.

Она сделала ударение на последнем слове, и до меня, наконец, дошёл её намёк.

– Какие документы? – растерянно пробормотал я. – Я же говорил, всё сгорело…

Медсестра вздохнула, явно испытывая ко мне какую-то смесь сочувствия и раздражения.

– Ну, св-во о рождении на госуслугах, должно быть! Распечатайте! Там же она у вас, как дочь записана, я надеюсь? – она посмотрела на меня с немым вопросом, и мне показалось, что в её взгляде мелькнула тень подозрения.

Я молча кивнул.

– Ну вот и отлично, – она уже брала сонную Алёну с моих рук. Девочка хмыкнула во сне, но не проснулась. – Придёте завтра с бумажкой. Всё уладите. А сейчас – марш домой, самого себя подлечить. Вид у вас, будто вас самого через мясорубку прокрутили.

Она развернулась и понесла её обратно в палату. Я поднялся с дивана, и ноги вдруг стали ватными. Пустота, которую всего несколько минут назад заполняло тёплое, доверчивое тельце, теперь казалась бездонной.

Я не мог уйти, не попрощавшись. Не мог просто бросить её. Сделав несколько неуверенных шагов к двери палаты, я заглянул внутрь. Медсестра уже укладывала Алёну под одеяло. Та повернулась набок и что-то прошептала во сне.

– Спи, малая, – прошептал я тихонько, как будто она могла меня услышать. – Я вернусь завтра.

Развернулся и побрёл к выходу, пошатываясь от усталости и эмоциональной опустошённости. Её слова звенели в ушах: «…она у вас как дочь записана, я надеюсь?»

Холодный вечерний воздух снова ударил в лицо. Я остановился, прислонился лбом к холодному стеклу двери и закрыл глаза. Завтра. Завтра мне надо прийти сюда и либо солгать что-то ещё грандиозное, либо признаться во всём.

Может, поговорить с Алёниной бабушкой? – неожиданно озарила мысль. – Ника ведь вряд ли мне что-то расскажет. Она всегда относилась ко мне отрицательно, даже когда мы

с Никой ещё просто дружили. Но может она хоть немного объяснит.

Мне не давали покоя слов Алёны. То, как она назвала меня папой. Как будто она точно это знала. Просто в голове не укладывалось, почему Ника запретила ей об этом говорить. Могла бы вообще тогда ребёнку не рассказывать. Но зачем-то сказала ей, что я её папа? Всё походило на какой-то сумбур. И мне хотелось разобраться.

Я вызвал такси и отправился домой в свою квартиру, где, несмотря на усталость, долго не мог уснуть.

Глава 5

Утро врезалось в сознание резким телефонным звонком, будто отбойный молоток по свежим швам на голове. Я вздрогнул, с трудом отрываясь от подушки. В голове гудело, тело ныло, как после ночной смены на разборе завалов. Сквозь сон мне почудился сладкий запах детских волос и тепло на груди, но реальность была холодной и пустой.

Телефон не унимался. Я с трудом нащупал его на тумбочке.

– Алло? – мой голос прозвучал как скрип ржавой двери.

– Волков! Ты где, чёрт возьми? – в трубке бушевал Шилов. – Мы тебя вчера потеряли! Трубку не брал! Думали, тебя в реанимацию упекли вместе с той женщиной!

Я с трудом соображал, переваривая его слова.

– Я… я в больнице был. Голову зашивали, – пробормотал я, проводя рукой по повязке. Она казалась чужой.

– Ну и как ты? – голос Шилова смягчился, в нём появились нотки беспокойства. – Врачи что сказали? Сотрясение?

– Вроде нет. Просто порезал немного. Голова гудит, но терпимо.

– На больничный уходишь? – прямо спросил Шилов. – Петрович говорит, отлежись, сколько надо.

Мысль о больничном, о том, чтобы завалиться обратно в кровать и выключиться на сутки, была соблазнительной. Но

тут же всплыл образ – большие синие глаза, полные доверия, и тихий шёпот: «Ты вернёшься?»

– Нет, – твёрдо сказал я, сам удивляясь своему решению. – Больничный не надо. Но… возьму пару выходных. Отгулов. Мне нужно… кое-что уладить.

В трубке повисло короткое, красноречивое молчание. Шилов явно хотел спросить «что именно», но, слава богу, сдержался. Он знал, что я не из тех, кто любит откровенничать.

– Ладно, – наконец сказал он. – Береги себя, огнеборец. Если что – звони. Ребята все передают привет и выздоравливай.

– Передам им спасибо, – кивнул я, хотя он этого не видел. – И спасибо тебе.

Разговор с Шиловым окончательно вернул меня в реальность. Реальность, в которой мне сегодня предстояло выяснить, что скрывала от меня Вероника.

Я заставил себя встать, побрёл в душ. Холодная вода немного прояснила сознание. Боль понемногу отступала, уступая место тревожной, но ясной решимости.

Оделся в чёрную футболку и джинсы. Посмотрел на себя в зеркало. Бледное лицо, тёмные круги под глазами, белая повязка на лбу. Вид, конечно, был ещё тот. Но сейчас было не до эстетики.

Первым делом – больница. Увидеть Алёнку. Убедиться, что с ней всё в порядке. А потом… потом нужно будет най-

ти её бабушку. Мария…Фёдоровна, что ли. От попытки напрячь память голова взорвалась болью.

Она точно должна знать правду.

Дорога до больницы пролетела в нервном раздумье. Руки сами крутили руль, ноги нажимали на педали, а голова была занята только одним – что я скажу, как посмотрю ей в глаза. И вдруг меня осенило: нельзя же приходить с пустыми руками. Я резко свернул на парковку у первого же супермаркета.

В отделе с детскими товарами я чувствовал себя не в своей тарелке. У витрины с игрушками замер перед плюшевым медведем – не таким навороченным, как современные, а простым, уютным, коричневым, с добрыми глазами. Именно таким, каким, мне казалось, должен быть плюшевый друг. Я взял и его, а у кассы нахватал горсть всего – киндер-сюрпризы, шоколадки, яркие леденцы.

Кассирша улыбнулась:

– Дочке? – Я лишь кивнул, сгребая покупки в пакет. Сердце бешено колотилось. Не от страха. От волнения.

В больнице у поста дежурных была уже другая медсестра – Женщина была лет пятидесяти, с жёстким взглядом и плотно сжатыми губами. Взгляд её скользнул по моей повязке, по охапке сладостей и остановился на моём лице с немым вопросом.

– Вам кого? – спросила она сухо.

– Я к Назаровой Алёне, – сказал я, стараясь звучать максимально уверенно. – Вчера её привезли.

– Посещения с одиннадцати до часу, – отрезала она, уже возвращаясь к бумагам. – Приходите в положенное время.

– Да я ненадолго, – начал я. – Просто передать ей, поддержать. Она же одна, ребёнок…

– Правила для всех одни, – её голос не допускал возражений. – К одиннадцати часам.

Тут я решил пойти ва-банк. Поставил пакет с игрушкой на стойку, вытащил оттуда самую большую шоколадку и с обаятельной улыбкой, на которую был способен сейчас, протянул её медсестре.

– Может, всё-таки как-нибудь? Ребёнок-то напугался сильно. Я на пять минут. Она меня ждёт.

Она посмотрела на шоколадку, потом на меня. Что-то в её строгом взгляде дрогнуло. Возможно, она увидела не наглого посетителя, а уставшего, перебинтованного мужчину с искренним беспокойством в глазах.

– Ну… ладно, – она тяжело вздохнула, беря шоколад. – На пять минут. Только тихо и…

Дверь в отделение открылась с лёгким скрипом открылась.

На пороге стояла Мария Фёдоровна. Постаревшая, с ещё более жёстко сжатыми губами, чем раньше. Она не заметила меня, обращаясь к медсестре.

– Здравствуйте, я за Назаровой Алёной. Вот документы, выписка, – она чётко, по-деловому, положила на стойку папку с бумагами. – Лечащий врач разрешил забрать под мою

ответственность.

Медсестра, обрадованная сменой темы, тут же оживилась.

– Конечно, конечно. Сейчас её выведут, уже всё готово.

Она что-то сказала в домофон, и через несколько минут из-за двери появилась санитарка, ведя за руку Алёну. Девочка выглядела испуганной, но чистой и переодетой в обычную одежду. Увидев бабушку, она слабо улыбнулась и робко к ней потянулась.

– Бабуль… – тихо сказала она.

– Ой, родная моя, хорошая ты моя! – Мария Фёдоровна прижала её к себе, зарылась лицом в её волосы. Голос её, всегда такой сухой и колючий, неожиданно дрогнул. – Как ты, а? Не сильно испугалась? Всё хорошо теперь, всё…

– Я ничего, – прошептала Алёна, цепляясь за неё.

– Ничего, ничего… Сейчас к тёте Зине поедем, у неё поживём, всё устроим…

Именно в этот момент Алёна подняла глаза и увидела меня. Её лицо озарилось такой яркой, безудержной радостью, что у меня перехватило дыхание. Она не крикнула, просто широко-широко улыбнулась, и я не смог сдержать ответной улыбки.

Мария Фёдоровна почувствовала перемену в ребёнке, подняла голову… и замерла. Её лицо побелело, будто она увидела призрак. Все её черты, и без того резкие, заострились ещё сильнее. В глазах вспыхнул не просто испуг, а чистейшей воды ужас и ненависть.

– Ты?! – вырвалось у неё хрипло. – Ты-то откуда здесь взялся?!

Я был готов ко многому, но не к такому тону. Такому, будто я был последним подонком на земле, а не парнем, который когда-то помогал ей сумки до квартиры таскать.

Её враждебность обожгла, и я, сам того не ожидая, пошёл в контратаку. Спокойно, холодно, глядя ей прямо в глаза.

– К дочке приехал, – сказал я твёрдо, подчёркивая каждое слово. – Или мне запрещено?

Глава 6

Тишина, повисшая после моих слов, была густой и звенящей. Даже медсестра замерла, смотря на нас то с испугом, то с любопытством. Мария Фёдоровна стояла, будто парализованная, не в силах вымолвить ни слова. Лишь её пальцы судорожно сжимали плечи внучки.

Первой опомнилась Алёнка. Она робко потянула бабушку за рукав.

– Бабуль, это же папа, – прошептала она. – Он меня вчера спас. Из огня.

Эти слова, казалось, не успокоили, а лишь сильнее разозлили старуху. Она резко выдохнула, и её взгляд, полный немой ярости, просверлил меня насквозь.

– Молчи! – она бросила на меня уничтожающий взгляд. – Что ты ей наговорил? Каких сказок нарассказывал?

Во мне закипела ярость. Горячая, слепая. Я сделал шаг вперёд, и она инстинктивно отступила, прикрывая Алёну собой.

– Каких сказок? – переспросил я, вкладывая в интонацию своё возмущение. – Это вы, Мария Фёдоровна, вместе с Вероникой, похоже, все пять лет скрывали от меня правду.

– Какую ещё правду? Она ребёнок и могла напридумывать всё что угодно, – не сдавалась Мария Фёдоровна.

Но я видел её бледное лицо и как она отвела глаза. А для меня это говорило о многом. Когда каждый день рискуешь жизнью, то начинаешь чувствовать людей, их мимику, их телодвижения. А тело никогда не врёт.

– Бабушка, я не вру! Мне мама говорила, – бесстрашно вступилась за меня Алёнка. Её глаза уже блестели, а подбородок затрясся от обиды.

– Давайте, успокоимся, – я отступил, чтобы сбавить обороты. Не хотелось устраивать скандал перед ребёнком. А я их терпеть не могу.

– Я не знаю, о чём с тобой говорить, – она отвернулась, хватая сумку и документы со стойки. – И не хочу знать. У нас нет к тебе никаких вопросов. И никогда не было. Алёна, пошли.

Она резко развернулась, потянув за руку девочку. Та упиралась, оборачиваясь ко мне, и в её глазах читалась настоящая паника.

– Бабуля, нет! Папа! – просила девочка.

– Я сказала, молчи! – Мария Фёдоровна почти тащила её к выходу.

Я не мог этого допустить. Не после вчерашнего. Я перекрыл им путь.

– Стойте. Вы ей сейчас ей руку выдерните. Прекратите!

Мы стояли друг напротив друга, как два врага на поле боя. Воздух трещал от напряжения.

– Отойди, Артём, – приказала она. – Иначе я вызову охра-

ну. И милицию. И расскажу всё, как есть. Что ты преследуешь нас, врёшь ребёнку.

Её слова били точно в цель. Я был в тупике. Силы были не равны. Она – законная бабушка с документами. Я – никто. Сотрудник охраны уже с интересом смотрел в нашу сторону.

В этот момент Алёна вырвалась из её ослабевшей хватки и бросилась ко мне, обхватив мои ноги.

– Не уходи! – она заплакала, вжимаясь в мои джинсы. – Пожалуйста, не уходи! Я ждала тебя. Мне мама говорила, что ты не придёшь, а ты пришёл. Ты же не плохой. Плохие не спасают людей от пожара.

Сердце разрывалось. Я опустился на колени перед ней, не обращая внимания на окружающих, и обнял её.

– Всё хорошо, солнышко, всё хорошо, – бормотал я, гладя её по спине. – Я никуда не ухожу. Я просто… поговорю с бабушкой.

Я поднял на Марию Фёдоровну взгляд. В её глазах была яростная, безумная борьба. Страх за дочь? За внучку? Или страх перед правдой, которая вот-вот должна была вырваться наружу?

– Дайте мне пять минут, – тихо, но твёрдо сказал я ей. – Не здесь. Где-нибудь в стороне. Ради неё. – Я кивнул на Алёнку, которая всё ещё плакала у меня на плече.

Мария Фёдоровна смотрела на нас – на меня, стоящего на коленях, и на её внучку, вцепившуюся в меня, как в единственное спасение. Её плечи сгорбились. Она молча кивну-

ла, отвернулась и отошла к окну, давая мне успокоить ребёнка.

Я поднялся с колен, всё ещё прижимая к себе Алёну. Её слёзы медленно стихали, сменяясь прерывистыми всхлипываниями. Я поймал взгляд медсестры – та делала вид, что занята бумагами, но украдкой наблюдала за нами. Охранник у входа тоже не сводил с нас глаз, готовый в любой момент вмешаться.

– Алёнушка, – тихо сказал я девочке, – посиди тут с тётей, хорошо? Я сейчас вернусь.

Медсестра, поняв намёк, кивнула и мягко взяла Алёну за руку.

– Пойдём, солнышко, я тебе конфетку дам, – увела она её к своему посту.

Я медленно подошёл к Марии Фёдоровне, стоявшей у окна и смотрящей в пустоту. Она казалась внезапно постаревшей и сломленной. Говорить нужно было жёстко и прямо. Как на допросе.

– Я не уйду, пока не узнаю всё, – начал я, глядя на её профиль.

Она молчала, поджав губы.

– Алёна моя? – спросил без прелюдий и наводящих вопросов.

Она резко обернулась ко мне, и в её глазах вспыхнула ненадолго притихшая злость.

– Ты бросил её, а теперь ещё смеешь предъявлять какие-то

претензии. Скажи спасибо ещё, что ребёнка сохранила. Потому, что я против была. Такие, как ты не заслуживают детской любви. Поматросил и бросил девчонку. Свобода голову вскружила? А она ждала тебя! Месяц, два, шесть... Плакала каждый день! поэтому даже не смей, слышишь, не смей нас в чём-то обвинять! Живи своей жизнью, как и жил до этого. И не пудри мозги девочке. Она ранимая. Ей и так нелегко, а ещё ты тут нарисовался. Дочка у него, видите ли, появилась. Нет у тебя никакой дочки, – торопливо шептала Мария Фёдоровна. А у меня от её слов в голове всё переворачивалось. Ведь я помнил, что было всё совсем не так.

Глава 7

Сознание возвращалось ко мне медленно, словно сквозь толщу мутной воды. Сначала я почувствовала боль – острую, жгучую в горле, ноющую во всём теле. Потом услышала мерный писк аппаратуры и приглушённые голоса за стеной. И наконец, открыла глаза.

Белоснежный потолок. Стеллаж с капельницами. Я в больнице. Память накрыла обрывками: огонь, дым, крик Алёнки... Сердце сжалось от ужаса.

– Алёна... – попыталась я крикнуть, но вместо голоса получился лишь хриплый шёпот.

Я метнулась глазами по палате, ища её, но кроме меня здесь никого не было. Паника, холодная и липкая, подступила к горлу. Где она? Жива ли? Или... Нет, лучше не думать.

Я попыталась приподняться, но тело не слушалось, голова закружилась. Пришлось лечь назад, беспомощно глядя в окно. За стеклом был серый больничный двор и кусочек хмурого неба. Таким же серым и безнадёжным было всё внутри. Где моя девочка? Кто с ней?

Дверь в палату скрипнула. Вошла медсестра – молодая, улыбчивая, с градусником в руке.

– О, вы уже проснулись! Ну как самочувствие? – бодро спросила она, подходя ко мне.

Я схватила её за руку, сжала изо всех сил, хотя сил почти

не было.

– Девочка... – просипела я, глотая воздух. – Моя дочка... Алёна... Где она?

Медсестра улыбнулась, и от этого стало чуть-чуть легче. Значит, всё не так плохо.

– Не волнуйтесь, с вашей дочкой всё в порядке! Её уже выписали. Бабушка забрала.

От этих слов стало одновременно и легче, и тяжелее. С ней всё хорошо. Она жива, здорова. Но... её забрала мама. А мама... Мама не любила сидеть с Алёнкой. Она вообще её не любила. Во всяком случае у меня было такое ощущение.

– Она... она не испугалась? – спросила я, чувствуя, как предательски дрожит подбородок.

– Кто? Дочка? – медсестра померила мне температуру. – Нет, вроде бы ничего. Немного напугана, конечно, но дети, они крепкие. Выздоравливает быстрее нас, взрослых.

Она что-то записала в график, потом посмотрела на меня внимательнее.

– А вам повезло, – сказала она тише. – Вас пожарный вынес без сознания. Говорят, он вас прямо из самого пекла вытащил. Герой.

В груди что-то ёкнуло. Пожарный... Спаситель... Почему-то в голову полезли глупые, отрывчатые воспоминания. Артём... Он тоже хотел стать пожарным... когда-то давно...

Я смахнула навязчивую мысль. Какая разница, кто меня спас. Главное, что Алёна жива.

– Скажите... – снова зашептала я. – Я могу позвонить? Маме? Узнать про дочку?

Медсестра покачала головой с сожалением.

– Телефоны у нас пока нельзя. Вам бы отдыхать, а не волноваться. Всё узнаете, как окрепнете. Держитесь, – она улыбнулась мне ещё раз и вышла из палаты.

Дверь закрылась, и я снова осталась одна со своими страхами. Я закрыла глаза, и перед ними встал образ Алёны – её смех, её доверчивые глаза, её объятия перед сном.

«Мама, а папа когда-нибудь придёт?» – снова и снова звучал в голове её голосок.

И снова – щемящее чувство вины перед ней.

Память, коварная и безжалостная, потянула меня в прошлое, туда, где не было ни дыма, ни боли, ни этого щемящего страха за ребёнка. Туда, где был он.

Мы встретились на городском празднике. Он стоял чуть в стороне от компании своих друзей, высокий, молчаливый, с таким серьёзным взглядом, что мне сразу стало интересно о чём он думает.

Он первым начал разговор. Говорили обо всём на свете, и я, как дурочка, уже к концу вечера понимала – это он. Тот самый.

Помню наш первый раз. У него в дома. Неловко и стремительно. Он потом обнял меня и сказал, разглядывая потолок:

– Вот закончу учёбу, устроюсь, и поженимся. Хорошо?

Вместо ответа прижалась к его плечу и закрыла глаза от

счастья. Я верила каждому его слову. Для меня его слово было законом, истиной в последней инстанции. Если Артём сказал – значит, так и будет.

А потом он пришёл и сказал, что уходит служить. По контракту.

– Денег там хороших платят, Ник. Быстро скопим на свою квартиру. Не надо будет по съёмным мыкаться.

Я смотрела на него и не понимала. Зачем? Почему? Мы и так могли всё... медленно, но верно. Мне не нужны были его деньги. Мне нужен был он. Рядом. Каждую ночь. Каждое утро.

Но я была глупой, наивной девочкой, которая боялась показаться назойливой, непонимающей, которая боялась, что он подумает, что я не верю в него. Я проглотила слёзы и кивнула.

– Конечно. я буду ждать.

Я провожала его на вокзале, стараясь не реветь. Он обещал звонить, писать. Первое время так и было.

Редкие, быстрые звонки из части, короткие смски: «Со мной всё хорошо, я тебя люблю».

Я жила этими весточками, засыпала с телефоном в руке, вставала с мыслью о нём. А потом звонки стали реже. Смски – короче. А потом и вовсе прекратились.

Я уже ходила с его ребёнком под сердцем, ещё не зная об этом. Тошнило по утрам, кружилась голова, а я списывала всё на стресс и тоску. А потом тест показал две полоски.

Я сидела на полу в ванной и плакала от страха и счастья.

Первой мыслью было – рассказать Артёму.

Но как? Он не звонит. Не пишет. Я стучалась в его соцсети – он не заходил. Я звонила на его старый номер – он был отключён.

И тогда я пошла к его матери. Может, у него новые контакты? Может, что-то случилось?

Её лицо, когда она открыла дверь, я запомню навсегда. Холодное, отстранённое, без единой морщинки участия.

– Вероника? Ты чего тут? – спросила она, даже не приглашая войти.

– Лидия Петровна , я не могу найти Артёма. Он не выходит на связь. У меня... у меня важные новости, – я пыталась улыбаться, но губы не слушались.

Она посмотрела на меня свысока, и в её глазах было что-то вроде жалости, но такое ядовитое, такое унизительное.

– А, новости... – протянула она. – Ну, знаешь, детка, он тебе вряд ли обрадуется. У него там, на службе, всё серьёзно сложилось. Девушка у него там… из хорошей семьи. Так что не надо ему мешать. Иди своей дорогой, забудь.

Она захлопнула дверь прямо перед моим носом. Я стояла перед воротами, обняв себя за живот, и не могла понять, дышать мне или нет.

Девушка. Всё серьёзно. Не надо мешать.

Всё, во что я верила, рухнуло в один миг. Все его слова о любви, о свадьбе, о будущем оказались пылью. Я была для

него просто глупой девочкой.

А теперь у него была «серьёзная» жизнь.

Идти к нему, звонить в часть, что-то выяснять, что-то требовать? Унижаться? Нет. Если он разлюбил – значит, и не любил вовсе. Значит, я не та, кто ему нужен. Выпрашивать любви я не умела и не хотела.

Я приняла решение. Рожать. Растить. Забыть. Я не сказала ему ни слова о ребёнке. Это было моей крохотной, горькой местью. Ты променял нас на свою «серьёзную» жизнь? Ну и живи. А мы проживём без тебя.

И словно в насмешку надо мной дверь палаты открылась и вошёл Артём. Только теперь он был больше, шире, мощнее и старше.

– Привет, Вероника! – поздоровался он. – Меня к тебе ненадолго пустили. Как ты?

Глава 8

Артём сделал шаг вперёд.

– Как ты? – его голос был низким, заботливым, каким я его помнила. – Что врачи говорят? Дышать не тяжело?

Я лишь молча покачала головой, не в силах вымолвить ни слова. Каждый его вздох, каждый жест был до боли знакомым и в то же время – чужим. Он принадлежал другому времени, другой жизни.

– Я... даже представить не мог, что вчера... в том доме... окажешься ты, – он произнёс это с таким усилием, словно слова обжигали ему губы.

И тут озарение, яркое и болезненное, ударило меня. Вспышка пламени. Сильные руки, выносящие меня из ада. Запах дыма и его дыхательный аппарат.

– Так это... это ты меня...спас, – я прошептала, и мир закружился вокруг.

– Да, – он кивнул, и в его глазах читалось что-то сложное, недосказанное. – И Алёну тоже.

Имя дочери, произнесённое его голосом, заставило моё сердце бешено заколотиться. Он видел её. Говорил с ней. *О Господи.*

– Она... – я сглотнула ком в горле. – Как она? Ты видел её после пожара?

– Она держалась молодцом, – в его голосе прозвучала тёп-

лая нота, от которой стало одновременно сладко и больно. – Сильная девочка. В... в маму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.